

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В 1736 г. ПО ИЗВЕСТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА АДАМА ЯВОРКИ

*П.А. Аваков*¹, *Ю.Н. Беспятых*²

¹ *Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
pavakov@mail.ru*

² *Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ybespyatykh@yandex.ru*

Цель: введение в научный оборот уникального документа 1736 г. и определение его информационного потенциала как источника по истории Крымского ханства. Попутно авторы реконструируют обстоятельства создания документа и факторы, обусловившие его смысловую направленность и содержание.

Материалы исследования: впервые переведенный с немецкого языка архивный подлинник, внешняя и внутренняя критика которого опирается на широкий круг современных ему источников и более поздних исследований.

Результаты и научная новизна: известие французского консула А. Яворки записано в лагере российской армии в Крыму по приказу генерал-фельдмаршала графа Б.К. Миниха. Тематически оно подразделяется на три блока: автобиографический рассказ, сведения разведывательного характера и общие страноведческие. Будучи канцелярским документом, этот источник вписывается и в широкий контекст иностранных нарративов о Крымском ханстве.

Сообщение А. Яворки содержит новые сведения о его жизни, о реакции крымской элиты на вторжение русской армии, о положении христианских подданных хана в военное время, о представителях рода Гиреев и хозяйстве Крымского ханства. Верификация приведенных данных в сопоставлении со свидетельствами других источников позволяет сделать вывод о высокой степени достоверности изучаемого документа. Вместе с тем, не все сведения А. Яворки о структуре нобилитета Крымского ханства точны, что объясняется довольно-таки поверхностным знакомством дипломата с этой сферой государственной жизни в стране пребывания.

Ключевые слова: Крымское ханство, источниковедение, французская дипломатия, Русско-турецкая война 1735–1739 гг.

Для цитирования: Аваков П.А., Беспятых Ю.Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула Адама Яворки // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственных заданий на 2020 г. ЮНЦ РАН по теме «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ гос. регистрации АААА-А19-11901190182-8), и СПБНИИ РАН по теме «Памятники документальной письменности Средних веков и Нового времени в собраниях Научно-исторического архива и других архивохранилищ Российской Федерации: описание, изучение и публикация» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011790239-3).

**THE CRIMEAN KHANATE IN 1736 ACCORDING TO THE ACCOUNT
OF THE FRENCH CONSUL, ADAM YAVORKA**

*P.A. Avakov*¹, *Yu.N. Bespyatykh*²

¹ *Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russian Federation
pavakov@mail.ru*

² *St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ybespyatykh@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* An introduction to the scholarly circulation of a unique document of 1736 and the evaluation of its informative potential as a source on the history of the Crimean Khanate. Along the way, the authors reconstruct the circumstances of the creation of the document and the factors that determined its semantic focus and content.

Research materials: An archived original of the document, first translated from German and accompanied by external and internal criticism on a wide range of contemporary sources and more recent studies.

Results and novelty of the research: The account of the French consul, A. Yavorka, was recorded in the camp of the Russian army in the Crimea on the order of Field Marshal, Count B.Ch. Münnich. Thematically it is divided into three sections: an autobiographical story, intelligence information, and general geographic information. Being a clerical document, this source also fits into the wide context of foreign narratives about the Crimean Khanate.

The account by A. Yavorka contains new information about his biography, the reaction of the Crimean elite to the invasion by the Russian army, the position of the Christian subjects of the Khan in wartime, the representatives of the Giray's family, and the economy of the Crimean Khanate. Verification of the data in comparison with evidence from other sources suggests a high degree of reliability regarding the document under study. At the same time, the information of A. Yavorka about the structure of the nobility of the Crimean Khanate is not quite accurate, which is explained by the rather superficial acquaintance of the diplomat with this segment of public life in his host country.

Keywords: Crimean Khanate, source study, French diplomacy, Russian-Turkish war of 1735–1739

For citation: Avakov P.A., Bespyatykh Yu.N. The Crimean Khanate in 1736 according to the Account of the French Consul, Adam Yavorka. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.127-146

Acknowledgements: The article was prepared as part of state assignments for 2020 entrusted to the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the RAS on the topic “History and Culture of the Peoples of the South of Russia: Between Tradition and Modernization” (state registration number: AAAA-A19-119011190182-8), and the St. Petersburg Institute of History of the RAS on the topic “Monuments of documentary writing of the Middle Ages and the New Age in the collections of the Scientific and Historical Archive and other archives of the Russian Federation: description, study and publication” (state registration number: AAAA-A19-119011790239-3).

Подавляющее большинство дошедших до нас письменных источников по истории Крымского ханства возникло за его пределами, и посему изучение прошлого этого государства невозможно без документов и нарративов, созданных в других странах – на русском, османском, польском, молдавском и некоторых иных языках. Оставленные иностранными наблюдателями сообщения о Крымском ханстве и их источниковедческая ценность неоднократно привлекали внимание исследователей. Известно, что далеко не все авторы таких текстов сами посещали эту страну, получая сведения о ней и ее жителях от соседей (см., напр.: [19, с. 133–139]). Но записки побывавших там иностранцев стали для специалистов истинными энциклопедиями крымской жизни (см., напр.: [6, с. 313–350; 8, с. 273–275]). Взгляд чужестранцев на Крымское ханство имеет свои традиции, парадигмы и особенности, порождаемые как объектом рецепции, так и ее субъектами. Особенности таких источников были точно уловлены Ю.М. Лотманом. По его мнению, они заключаются в том, что в отличие от местного жителя, замечающего и описывающего эксцессы, сторонний наблюдатель в первую очередь обращает внимание на норму жизни в чужой стране, на непривычную для него обыденность. Сталкиваясь же с отклонением от нормы, он склонен описывать его как обычай. Не владея сложной многозначностью чужой культуры, иностранец может буквально истолковывать незнакомые ему явления, понимать переносные значения как прямые, и наоборот, не осознавать иронии и амбивалентных ситуаций. Лишь в результате тщательного анализа и «дешифровки» такого свидетельства «мы сможем не только отделить верные высказывания от ошибочных, но и в самих ошибках, в характере непонимания находить источник ценных сведений» [11, с. 677].

Среди наиболее содержательных и наименее вовлеченных в научный оборот иностранных источников по истории Крымского ханства XVIII в. выделим донесения консулов Франции в Бахчисарае. С 1719 по 1769 г. эту должность занимали десять человек: Франсуа Ферро, или Ферран (1719–1722), Ксаверио Главани (1722–1734), Адам Яворка (1735–1736), Жан-Мишель Вентюр де Паради-старший (1741–1745), Шукке (1745–1748), Пьер Тексье де Лансе (1748–1754), Клод-Шарль де Пейссонель (1754–1758), Пьер-Люк Форнетти (1758–1768), барон Франсуа де Тотт (1767–1769), Пьер Рюффен (1769) [30, р. 688; 34, 1195–1197. old.]. Вопреки высказанному в историографии мнению [14, с. 72], их пребывание в Крыму вовсе не было «нерегулярным», поскольку деятельность самого консульства на полуострове насчитывает почти полвека (с перерывом в 1736–1740 гг.). Следовательно, все эти дипломаты были свидетелями, а порой и участниками многих важных событий в жизни Крымского ханства, сообщение о которых французскому правительству являлось их прямой обязанностью. Для историков такие свидетельства представляют собой источники исключительной важности, в том числе и потому, что вплоть до конца 1750-х годов ни одно другое государство не имело в Крыму своего постоянного дипломатического представительства.

К настоящему времени опубликована лишь малая толика дипломатической корреспонденции французских консулов в Бахчисарае, а именно: единственная реляция К. Главани 1725 г. и корпус из 114 донесений Ф. де Тотта 1767–1769 гг. [36, р. 331–338; 22] Несколько консулов помимо текущих дипломатических донесений написали специальные сочинения о Крымском

ханстве; некоторые из них впоследствии были изданы¹. Так, в 1784 г. вышли в свет пространные мемуары Ф. де Тотта «о турках и татарах» [35], отдельные сюжеты которых, в том числе относящиеся к Крыму, в следующем году вызвали критические замечания К.-Ш. де Пейссонеля [31, р. 20–22, 63–67]. Он в 1787 г. опубликовал развернутую «Записку о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии» и реляцию о восстании Едисанской орды 1758 г., написанные соответственно в 1755-м и 1759 гг. [13]. До сих пор не введены в научный оборот два его труда 1772 г., написанные в жанре «политического размышления» и посвященные дальнейшей судьбе независимого Крымского ханства [21, р. 341]. В записке К.-Ш. де Пейссонеля 1755 г. упомянуты пока еще не ставшие достоянием исторической науки некие мемуары страноведческого характера «о Татарии», ранее сочиненные его предшественником Ж.-М. Вентюр де Паради-старшим [13, с. 9, 34]. Документ, который авторы этих строк подготовили к публикации, хотя и возник при совершенно иных обстоятельствах, имманентно принадлежит к вышеназванной группе делопроизводственных и повествовательных источников.

Его появлению на свет предшествовало грандиозное и доселе небывалое событие: взятие 17 июня 1736 г. Бахчисарая русской армией под командованием генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа Миниха [7, с. 73–74; 2, с. 269–270]. В тот же день, как гласит запись в походном журнале, казаки привели в русский полевой лагерь близ крымской столицы «двух резидентов: Адама Еворка – французского консула при хане, и Андрея Буковского – польского шляхтича, посланного к хану от польского коронного гетмана, воеводы киевского, которых встретили... разстоянием от Бакчисарая в 3-х верстах» [7, с. 74]. Это же событие зафиксировано в анонимных мемуарах на немецком языке о кампании 1736 г., известных как «Дневник российского императорского генерал-фельдмаршала графа Б.К. фон Миниха», авторство которого принадлежит находившемуся при нем в качестве историографа профессору Санкт-Петербургской академии наук Готлобу Фридриху Вильгельму Юнкеру [28, S. 213]. Он пишет, что Б.К. Миних «пожелал обоих расспросить обо всем им известном о крымских делах», а затем попросил «повторить многое из их ответов, о чем здесь не слыхали». Далее Г.Ф.В. Юнкер излагает их рассказы [28, S. 213–217; перевод: 3, с. 26–28].

Памятуя о весьма слабой изученности деятельности иностранной дипломатии в Крымском ханстве, не лишним будет вкратце рассказать о самих опрошенных.

Согласно записи в дневнике французского посольства в Константинополе, посол Луи-Совёр де Вильнёв, маркиз Форкалькье назначил венгерского дворянина Адама Яворку (венг. *Jávorka*, франц. *Jávourka*) на должность консула при крымском хане 8 апреля 1735 г. [34, 1193. old.]. Так малозначительный во французской дипломатической иерархии пост занял выдающийся представитель венгерской эмиграции, один из ближайших сподвижников князя Ференца II Ракоци и, в сущности, национальный герой Венгрии, именем которого названа одна из улиц Будапешта.

¹ Мы не принимаем во внимание опубликованные записки Ф. Феррана и К. Главани о Черкесии соответственно 1709 и 1724 гг., не имеющие непосредственного отношения к ханству.

В молодости А. Яворка был активным участником Освободительной войны венгерского народа против монархии Габсбургов 1703–1711 гг. Он родился около 1683–1684 гг. в деревне Надькостолан, что в Верхней Венгрии (ныне – с. Вельке-Костоляни в Пьештянском районе Трнавского края, Словакия), присоединился к куруцам в 1704 г., будучи студентом Надьсомбатского университета, и через несколько лет дослужился до капитана гусарского полка. Вероятно, подобно своему соотечественнику, тоже куруцу и прямому предшественнику в качестве дипломатического агента Франции в Крыму (но без официального статуса) Андрашу Тоту (отцу будущего консула Ференца Тота, более известного как Франсуа де Тотт), он имел словацкое происхождение, однако в его самосознании преобладала венгерская идентичность. После заключения Сатмарского мира и капитуляции куруцев в 1711 г. А. Яворка попытался организовать в Венгрии новое восстание, потерпел неудачу, был схвачен австрийцами, но бежал из тюрьмы и в 1712 г. скрылся в Речи Посполитой. В 1713-м он поступил на военную службу в Россию, затем перебрался в Молдавию, Валахию, и в 1716-м – в Османскую империю к своему патрону Ференцу II Ракоци. В 1721 г. эмигрант был зачислен майором во французский гусарский полк графа Ласло Берчини и выехал во Францию, но в 1724-м вернулся на службу к Ференцу II Ракоци в турецкий городок Родосто на западном побережье Мраморного моря (ныне г. Текирдаг, Турция). А. Яворка участвовал в Войне за польское наследство 1733–1735 гг. на стороне Станислава Лещинского, а после окончания Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. навсегда переселился в Польшу, где и умер в г. Ярославле в 1747 г., будучи полковником [32; 37, 133–141. old.].

Польский шляхтич Анджей Буковский, товарищ А. Яворки по несчастью, не был столь заметной фигурой. Он пребывал в Крыму с мая 1736 г. в качестве посланца от гетмана великого коронного и киевского воеводы Юзефа Потоцкого. Целью миссии А. Буковского было принести жалобу на враждебные действия украинских казаков гетмана в эмиграции Филиппа Орлика, находившихся на османской территории и в апреле тревоживших окраины Польши [28, S. 216].

Сообщения этих иностранцев были записаны, а сами они «на своем паролле» последовали вместе с русской армией «до указу Ея императорского величества» [7, с. 75]. Через три недели, 8 июля, их «объявление о себе на немецком диалекте» генерал-фельдмаршал отправил в Кабинет министров Анны Иоанновны с кабинетным курьером Федором Мусиным-Пушкиным [7, с. 74, 84; 4, с. 104, 111], в качестве одного из приложений к своему донесению от 6 июля². Бумаги были получены в Санкт-Петербурге 20 июля³.

Ныне почти все эти документы хранятся в фонде № 177 («Кабинет министров») Российского государственного архива древних актов. Не удалось обнаружить лишь запись сообщения А. Буковского – вероятно, она не сохранилась. Однако содержание ее известно по пересказу Г.Ф.В. Юнкера [28, S. 216–217; перевод: 3, с. 28]. Тем ценнее для историков подлинная запись известия А. Яворки, составившая отдельное дело, озаглавленное архивистами второй половины XVIII в. так: «Скаска венгерского дворянина, бывшаго в Крыму французским резидентом Адама Яворки о движениях турецкой армии,

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 9. Л. 344–347.

³ Там же. Л. 347 об.

о татарах и проч.»⁴. Забегая вперед, отметим, что название дела лишь частично отражает его содержание.

Документ написан готической скорописью на немецком языке, одной и той же рукой. Текст выполнен коричневыми чернилами на шести листах серой писчей бумаги стандартного для того времени формата, сложенных вдвое в тетрадь (*in folio*), с двух сторон. Фолиация в правых верхних углах лицевых страниц проставлена другими чернилами – более светлого коричневого цвета. Рукопись изобилует французскими и латинскими словами. Ее автор иностранные для него слова (существительные на немецком почти повсеместно со строчной буквы) пишет обычным для того времени латинским шрифтом, как было принято. К французским словам, к 1730-м годам прочно вошедшим в немецкоязычный обиход, писец в готической графике присоединил немецкие служебные морфемы – словообразовательные и флексийные аффиксы. В тексте порой отсутствуют апострофы (диакритика). Должно быть, писец очень спешил, размашистым почерком поспевая заносить на бумагу слова А. Яворки, на ходу перелагая его рассказ в третьем лице и, соответственно, в сослагательном наклонении. Косвенное подтверждение этому видится в случаях, когда одно слово разбито с большим пробелом на два: например, вместо *worunter* («из которых») – бессмысленное *worunt er*; или, наоборот, два разных слова слиты в одно: *auchein* (*auch* – «тоже, также», *ein* – неопределенный артикль к последующему слову)⁵. Точки после порядковых и количественных числительных, а также в конце предложений и абзацев проставлены не всегда. Поспешностью можно объяснить и некоторые грамматические особенности текста (во всяком случае, не соответствующие принятым ныне нормам). Не исключено также, что писарь либо не был носителем немецкого языка, либо просто не вполне владел им из-за недостаточной грамотности.

Документу дано канцелярское заглавие: «*Registratur, gehalten, wegen des französischen Residenten in der Crim̄, H[err] Adam Ieworka*», которое мы перевели как «Запись известия французского резидента в Крыму г[осподина] Адама Еворки»⁶. Антропологический поход позволяет отнести источник к «вынужденно актуализованному интервью», поскольку он был создан, «когда обладатель информации излагал ее в условиях принудительного диалога и под воздействием чужой воли» [16, с. 9]. В конце рукописи указаны дата и место ее создания: «В полевом лагере у селения Салгира, 21-го июня 1736»⁷. Примечательно, что во всех остальных случаях даты в документе приведены одновременно по юлианскому и григорианскому календарю (разница между которыми в XVIII в. составляла 11 дней [9, с. 219–220]) через дробь, что позволяет безошибочно определить хронологию описанных событий и соотнести их со свидетельствами других источников. Конечная дата показана по юлианскому календарю, так как, согласно походному журналу, 21 июня следовавшая из Бахчисарая в направлении Кафы армия Б.К. Миниха достигла р. Салгир и разбила лагерь на ее обоих берегах. «При деревне Салгире», на правом берегу, разместилось правое крыло армии [7, с. 75–76]. Следо-

⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1–6 об.

⁵ Там же. Л. 1 об., 2 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 6 об.

вательно, повторный опрос французского консула состоялся спустя четыре дня после его прибытия в расположение русской армии.

Тематически известие А. Яворки подразделяется на три блока: автобиографический рассказ, сведения разведывательного характера и общая страноведческая информация. В сочинении Г.Ф.В. Юнкера многое из показаний французского консула пересказано почти дословно, однако отнюдь не охватывает всего их содержания [28, S. 213–216; перевод: 3, с. 26–28]. Последнее обстоятельство придает изучаемому документу особую значимость. Несомненно, Г.Ф.В. Юнкер был ознакомлен с ним и даже имел под рукой его копию, когда работал над своими мемуарами. На это недвусмысленно указывает не только точная передача им содержания документа, но и неправильное написание в обоих источниках фамилии французского посла в Османской империи анаграммой: «Neuville» вместо «Villeneuve».

А. Яворка поведал, что «состоял на службе у князя Ракоци, пока тот в прошедшем году не скончался в Константинополе» (на самом деле умер неподалеку – в городке Родосто), после чего французский посол маркиз Л.-С. де Вильнёв пригласил его на должность консула «при татарском хане» и отправил в Крым, чтобы сменить «пребывавшего там на французской службе капитана Тота», тоже венгра (речь идет об Андраше Тоте). Консул не преминул вспомнить о том, что в 1724 г. «побывал в Москве и Петербурге, будучи отправлен туда из Константинополя князем Ракоци, с тем чтобы доставить его и великого визира письма Е[го] в[еличеству] Петру I, содержание которых имело отношение к грузинам, отдавшимся под защиту Российского государства»⁸. Эта миссия А. Яворки уже обращала на себя внимание венгерских историков [33, 768–769. old.; 29, 369–370. old.]. Материалы о ней отложились в деле Коллегии иностранных дел 1724 г. «Приезд из Царьграда в Россию и отпуск обратно туда же венгерского шляхтича Адама Ягорки (sic! – Авт.) с письмами от князя Ракоция...»⁹.

Консул прибыл в Крым 14/25 июля 1735 г. и сменил А. Тота, вернувшегося во Францию. По словам А. Яворки, ему было поручено заботиться о французских миссионерах и местной католической общине, «а также вообще обо всех находящихся в Крыму христианах, и среди них о православных, с тем чтобы им тоже не препятствовали в отправлении богослужебных обрядов, поскольку иначе они могут подвергаться угнетению»¹⁰. Последние опасения дипломатов христианнейшего короля вскоре оправдались. С началом в 1735 г. Русско-турецкой войны христианские подданные крымского хана в глазах мусульманского населения полуострова не могли не превратиться в потенциальных коллаборационистов. Вероятно, именно с этим был связан описанный А. Яворкой случай, происшедший в Бахчисарае за пять-шесть дней до прихода русской армии, то есть в конце первой декады июня 1736 г. Крымские татары «очень худо обошлись с шестью православными священниками (среди которых был один архиепископ) – таскали за волосы, сильно избили, а одного из этих священников даже захватили». Судя по всему, речь идет о греческих пресвитерах и иерархе Готской и Кафской митрополии Константинопольской православной церкви.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 40. Оп. 40/1. 1724 г. Д. 3. 13 л.

¹⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1–1 об.

Сам дипломат накануне вторжения русской армии находился у Перекопа. Когда она овладела Перекопской линией и вошла в Крым, хан Каплан-Гирей I с войском отступил оттуда к р. Альме и послал к А. Яворке «с приказом явиться к нему». Однако консул «велел ответить хану, что ногайские татары увели у него лошадей и повозки, а кроме того, у него нет провианта, и посему он не может предпринять поездку к хану или следовать за ним». Вместо этого дипломат «бежал в горы близ Бахчисарая к христианам, где мог найти пропитание», взяв с собой поляка А. Буковского. Когда же А. Яворка в горах узнал о прибытии русской армии к Бахчисараю, то вместе с А. Буковским отправился к Б.К. Миниху «искать для себя и для живущих в горах христиан защиты Е[е] р[оссийского] и [мператорского] вел[ичества]». Придя в город, он нашел русского офицера, которого попросил отвести к генерал-фельдмаршалу, что и произошло¹¹.

Далее А. Яворка сообщил оперативные сведения о действиях крымского хана – то, что больше всего интересовало русское командование. Возможно, при этом он отвечал на конкретные наводящие вопросы. Согласно его данным, перед началом кампании 1736 г. Каплан-Гирей I покинул Крым и отправился в Константинополь. Он уже находился в полутора днях пути из Перекопа в Очаков, когда получил известие об осаде русскими Азова, что вынудило его 30 марта/10 апреля вернуться в Перекоп и объявить сбор войска в поход. 14/25 апреля хан «с частью своей армии» продвинулся на 15 верст к северу от Перекопа, где ожидал прибытия пополнения. 7/18 мая хан с войском пришел к Черной Долине и 8/19 мая намеревался идти к Днепру, но поскольку в тот день состоялся бой с русскими войсками, он «тут же с силами в 200 тыс. человек пошел обратно маршем к Перекопу»¹². Речь идет о первом с начала Крымского похода 1736 г. сражении, происшедшем близ Черной Долины между передовыми отрядами русской армии и авангардом крымского войска. Во время боя Каплан-Гирей I с основными силами стоял лагерем в 80 верстах к югу от Черной Долины. По словам плененных крымских татар, его войско насчитывало 100 тыс. человек [7, с. 58–60; 2, с. 245–248]. Следовательно, А. Яворка сильно преувеличил мобилизационные возможности крымского хана.

Французскому консулу было известно, что двумя-тремя днями ранее, когда русская армия только достигла Перекопа, к Каплан-Гирею I прибыл османский капыджибаши и передал ему подарок «великого султана» и жалованье для сейменов («Sejmers») – ханских лейб-гвардейцев: отороченный соболем головной убор, украшенный усыпанным алмазами эгретом, подбитый соболем кафтан, дорогую саблю и 300 мешков, «каждый по 500 левенталеров» (т. е. львиных курушей). Трое родственников хана – султаны калга, нуреддин и ор-бей («Kalga, Nuradin und Orbeij») – тоже получили по кафтану и несколько мешков денег каждый. По свидетельству дипломата, после взятия Б.К. Минихом Перекопа хан собрал «султанов и знатнейших князей» на совещание, во время которого виднейший аристократ ханства – Хаджи-Джантемур Ширин-бей («Gentamir Scheri-Murza, oder Scherem-Beij»), произнес проникновенную речь: «Русские пришли сюда не затем, чтобы умереть от голода, а будут за наш счет жить и кормиться. Нам не следует воображать,

¹¹ Там же. Л. 1 об.–2 об.

¹² Там же. Л. 2 об.

что это старые русские, сотню которых один татарин гнал перед собой; ныне это другие русские, из которых теперь один гонит сотню татар», – передает его слова А. Яворка. Каплан-Гирей I «на это хранил молчание»¹³.

В своем рассказе дипломат уделил внимание и личности хана. Иностранец знал, что Каплан-Гирей I уже «дважды смещали, так как он постоянно был неудачлив в своих предприятиях», что во время своего безуспешного похода в Персию 1735 г. он «получил от Порты 500 мешков по 500 левенталеров каждый». Согласно молве, ему было 64 года и у него болели руки и ноги¹⁴. И если с возрастом информаторы консула ошиблись – на самом деле Каплан-Гирей I было 56 лет (он родился в шабане 1091 г. по календарю Хиджры, то есть в июле 1680 г. [27, р. 568]), то плохое состояние его здоровья подтверждается и другими источниками. Так, в августе 1735 г. кубанские ногайцы сообщили донскому казачьему старшине Даниле Ефремову, что прибывший в Прикубанье крымский хан из-за немощи не способен к верховой езде и его возят на телеге¹⁵. По словам ногайца Бачме-Мамбета, допрошенного в июле 1736 г. в штабе армии Б.К. Миниха, ослабевший Каплан-Гирей I «верхом не может ехать, ездит в коляске» [4, с. 121]. Судя по свидетельству другого современника – крымского историографа Абдулгаффара Кырыми, созвучному с сообщением А. Яворки, хан страдал хирагрой и подагрой [1, с. 132, 161].

Отдельного внимания заслуживают приведенные французским консулом сведения об иерархии нобилитета Крымского ханства и мужских представителях рода Гиреев. С одной стороны, неполнота и неточность части этих данных указывает на поверхностную осведомленность дипломата о социальной структуре страны пребывания, а с другой – некоторые из его свидетельств уникальны, поскольку не отражены в других источниках.

А. Яворка различает «4 разряда знатных татар». 1) Султаны, которые занимают высшие посты, «то есть относятся к ханскому роду». 2) Ширин-бей, или князья («Scherem-beijs, seindt Fürsten»)¹⁶. Здесь иностранец допустил ошибку, придав родовому имени Ширин расширительное типологическое значение, сочтя его частью бейского титула. Судя по контексту, Ширин-беями он назвал глав всех семи карачи-бейских родов Крымского ханства: беев Ширинов, Барынов, Мансуров, Седжеутов, Аргынов, Кыпчаков и Яшлавов [26, S. 27–41; 17, с. 29–30; 10, с. 98–108]. Примечательно, что А. Яворка применяет к этой категории высший аристократический титул Священной Римской империи германской нации – Fürst, что говорит о понимании им политической роли карачи-беев. 3) Ширин-мурзы («Scherem-Mursi»), которых он считает нетитулованными дворянами¹⁷. Между тем речь идет о младших князьях Ширинах, имевших преимущество перед прочими крымскими мурзами иного происхождения [10, с. 98]. 4) Мурзы («Mursi»), которых А. Яворка тоже не относит к титулованной знати. Довольно подробно он рассказал о девяти султанах – принцах ханского дома Гиреев, перечислив их в определенном иерархическом порядке со ссылкой на молву.

¹³ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 47. Л. 7–7 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 об.

Registratur,

gefallen, wegen des französischen Residenten
in der Crim, H. Adam Seworka.

H. Adam Seworka, ein Ungarisches
Adelmann, ist, seinem Auftrag nach, in des Fürsten
Ragoczi Diensten geblieben, bis endlich im
letzten November Jahr in Constantinopel
gefordert, da ihn der dazulicht subsistierende
Minister H. von Neuville, als Consul bey
dem Tartar- Chan engagiert, und ihn Crim
abgeschickt und ihn dazulicht Consul bey
dem in französischem Diensten stehenden
Capitain Tot, einen Ugar von Gehalt,
abzuholen. Im Jahr 1724, sey er in
Moskau und in Petersburg geblieben, von
dem Fürsten Ragoczi aus Constantinopel
dort geschickt, um seinen und des Groß-Regiments
Brieff an J. M. Peter den 1^{ten} zu überbringen,
wenn gleich die Georgianer betrogen sein
soll, als welche sich unter des Russischen
Reichs Befehl gegeben.

Den ¹⁴ 25. Julii 1735, starn er in der Crim.
wieder kommen, von dem Capitain Tot, statlich
nach Frankreich zurückgegangen: abgeholt;

«Запись известия французского резидента в Крыму г[осподина] Адама Еворки».

21 июня 1736 г. (РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 109. Л. 1)

“Record of the Account of the French Resident in Crimea, Adam Yavorka”.

21 June 1736 (Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 177.

Inventory 1. Year 1736. Case 109. Folio 1)

Имена первых троих из них, самых высокопоставленных, консулом не названы – в документе фигурируют лишь титулы. 1) Калга-султан – «сын ханского брата» и командующий армией. Последнее обстоятельство дало дипломату основание сравнить его с польским великим гетманом коронным, «однако с той разницей, что калга-султан – второй после хана, а ни один султан не может наследовать ханского достоинства, если прежде не был калгой и не командовал армией». Известно, что в 1735–1736 гг. эту должность занимал Фетих-Гирей, сын бывшего хана Девлет-Гирея II и в скором времени преемник своего дяди на престоле [18, с. 125, 129–130, 145–148; 5, с. 55–57, 75; 23, р. 117]. 2) Нуреддин-султан – второй военачальник («Unter-Feldt-Herr») в ханстве. В 1735–1736 гг. им был Арслан-Гирей – другой сын Девлет-Гирея II, племянник правящего хана и сам хан в 1748–1756 гг. [18, с. 130, 150–152; 5, с. 55–57, 75, 80–81; 23, р. 117]. 3) Ор-бей – «третий после хана», который «по своей должности может быть сравнен с польским стражником коронным (хранителем границы)»¹⁸. Речь идет о Махмуд-Гирее, тоже сыне Девлет-Гирея II и племяннике Каплан-Гирея I [4, с. 39, 40, 41; 18, с. 145]. Примечательно, что в документе трижды приведены два варианта названия последней должности – «ор-бей, или ор-капи» («Orbeij oder Orkari») ¹⁹. Как известно, Ор-Капы – турецкое название Перекопской крепости (Or Kapı – Врата Рва), где находилась резиденция ор-бея, или перекопского бея, – наместника северных территорий Крымского ханства и охранника их рубежей [13, с. 22; 17, с. 42]. То есть А. Яворка спутал названия должности и крепости – вероятно, из-за того, что корнем обоих слов является топоним «Ор» (ров). Сделанное им сравнение ор-бея со стражником коронным нельзя признать удачным. Как известно, в армии Королевства Польского XVI–XVIII вв. были две штабные должности с таким названием. Задача охраны восточной границы страны возлагалась на стражника польного коронного – и то лишь поначалу, в XVI в. Затем на него распространились обязанности стражника великого коронного, обеспечивавшего безопасность войска на марше и во время отдыха, и только тогда, когда им предводительствовал король. Но в XVIII в. обе должности полностью утратили военные функции и приобрели титулярный характер, превратившись в анахронизм [24, с. 175–176; 25, с. 149–170]. Таким образом, проведенная дипломатом аналогия не вполне уместна, так как отражает не реальное иерархическое соотношение ор-бея и коронного стражника (великого или польного), а лишь формальное частичное сходство их должностных функций.

Остальные шесть султанов не играли тогда столь значительной роли в военно-политической жизни Крымского ханства. 4) Селим-Гирей («Selim Gerej») – «самый старший сын правящего хана, двадцати пяти лет, нигде не служит». Это будущий хан Селим-Гирей II, правивший в 1743–1748 гг. [18, с. 149–150; 5, с. 78–79]. 5) Шах-Гирей («Schach Gerei»), «второй сын правящего хана, тринадцати лет», который занимает военную должность и «носит бунчук». Ни в одном известном нам источнике или исследовании этот отпрыск Каплан-Гирея I больше не упоминается. 6) Другой Шах-Гирей – «сын недавно умершего калги-султана», то есть Адил-Гирей – скончавшегося в 1735 г. брата Каплан-Гирея I [18, с. 129, 149; 15, с. 76; 5, с. 78]. Стало быть,

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 3, 4, 6 об.

он приходился правящему хану племянником. 7) Ахамед-Гирей («Ahamed-Gerei») – султан «без должности». Несомненно, здесь подразумевается Азамат-Гирей, сын бывшего хана Гази-Гирея III и племянник Каплан-Гирея I [18, с. 139, 148, 149]. Искажение имени, вероятно, произошло из-за его неправильного произношения А. Яворкой, так как в документе оно записано неоднократно. По словам консула, этот султан «благороден, весьма здравомыслящ и очень любим татарами», зато «хан его ненавидит и завидует ему». При этом он беден, поскольку в Крыму у него нет ничего, кроме одного дворца. Говорят, на свое содержание он ежегодно получает от Порты «всего лишь шесть мешков по 500 левенталеров» в качестве дохода с поместья в Румелии. 8) Авед-Гирей («Aved-Gerei»), «любимый брат только что названного султана Ахамеда, а потому тоже не имеет должности и обладает очень малыми доходами». Это Абед-Гирей – другой сын хана Гази-Гирея III и племянник Каплан-Гирея I [1, с. 130]. 9) Еще один султан, не названный по имени (вместо него многоточие), который «тоже не имеет должности»²⁰.

Заключительная часть известия А. Яворки представляет собой лапидарное экономическое, демографическое и административно-географическое описание Крымского полуострова. Оно имеет избирательный характер и, вероятно, охватывает лишь те вопросы, какие интересовали тогда русское командование. Описание начинается с перечисления того, что «Крым в изобилии производит», из десяти пунктов. Это: 1) мед – он, «говорят, столь же хорош, как липец» – известный на всю Европу липовый мед из Литвы; 2) воск; 3) «превосходная шерсть»; 4) масло; 5) пшеница; 6) рожь; 7) холощенные бараны – «их, говорят, ежегодно в один только Константинополь отправляют 100 000»; 8) рогатый скот (очевидно, крупный); 9) соль, которую добывают «в стоячих соляных озерах»: в июне она ложится на воде, словно лед, а в сентябре снова исчезает; и 10) лошади и бараны²¹. Эти сведения имеют принципиальное значение для изучения развития в Крыму в первой трети XVIII в. товарного земледелия, животноводства, перерабатывающих промыслов и в целом – рыночных отношений. Слова дипломата могут служить очередным эмпирическим основанием для уже неоднократно высказывавшегося в историографии суждения о том, что «сводить экономику ханства к паразитическому потреблению награбленного – это слишком упрощенно» [12, с. 158]. Как ни странно, А. Яворка ни словом не обмолвился об экономическом значении татарских набегов. Он не упомянул ни об охоте крымских татар на рабов в соседних странах, ни о процветании на полуострове работорговли, ни о роли труда рабов в местном хозяйстве. Представляется, что «фигуру умолчания» следует объяснять не угасанием в Крыму этого «сектора экономики», а отсутствием к нему интереса у интервьюеров французского консула.

Вслед за целой плеядой европейских авторов XVI–XVIII вв. А. Яворка называет титульную нацию Крымского ханства «крымскими, или перекопскими, татарами». Они «насчитывают 150 тыс. воинов», кроме «ногайских татар, переселенных теперь ханом в Крым». Последних «40 тыс. семей, и они живут в деревнях этого полуострова разделенными и размещенными, с тем чтобы не могли объединиться». Вероятно, здесь идет речь о находившемся в

²⁰ Там же. Л. 4–5.

²¹ Там же. Л. 5–5 об.

вассальной зависимости от крымского хана ногайском родоплеменном объединении едисанцев, эвакуированном Каплан-Гиреем I из низовьев Днепра на полуостров в связи с наступлением российской армии [18, с. 128]. О населении материковой части Крымского ханства (Буджак, Кубань, Нижнее Поднепровье), как и о христианских народах Крыма, дипломат ничего не сообщает. Полуостров, по его словам, поделен на 40 кантонов, в каждом «30, 40 и до 50 селений и над ним поставлен кади, то есть судья»²². Названное число кадилыков почти совпадает с цифрами, встречающимися в историографии [17, с. 32; 20, с. 63–90].

Особое внимание А. Яворка уделил доходам хана, калги-султана, нуреддин-султана и ор-бея. «Хан имеет приблизительно 1000 мешков дохода, считая каждый мешок по 500 левенталеров», то есть около полумиллиона львиных курушей. Эта сумма складывается из субсидий Порты, доходов от Бахчисарая, Козлова (Кезлева), Балаклавы и прилегающих к ним селений – «особенно горных, где живут христиане», а также из таможенных сборов и арендной платы за пользование соляными озерами у Перекопа и Козлова. Калге-султану принадлежат города Акмечеть, или Султан-Сарай, и Карасу (Карасубазар). Последний больше Бахчисарая и ведет большую торговлю, возле него «много селений, в которых живут христиане, несколько соляных озер», и поэтому ежегодный доход калги-султана «может составить 300 мешков», то есть около 150 тыс. львиных курушей. Нуреддин-султану принадлежат города Эски-Крым и Судак, «где растет наилучший крымский виноград». Его доходы «могут достигать шестидесяти мешков», не считая десяти-двенадцати мешков, получаемых от Порты из налоговых поступлений Кафы. Ор-бей получает доход от Перекопа и таможенных сборов в нем, который исчисляется более чем в 100 мешков, или 50 тыс. львиных курушей²³. Говоря о «принадлежности» крымским султанам тех или иных городов, А. Яворка не вполне точен. Под этим словом следует понимать не феодальное владение городами, а кормление за счет собираемых с их населения пошлин и налогов – как денежных, так и натуральных.

Свой рассказ консул завершил перечислением семи гаваней Крымского полуострова, расположенных как на территории самого ханства: Козлов, Балаклава и еще две «по обе стороны от нее», так и на землях Кафинского эялета Османской империи: Кафа, Еникале и Керчь, из которых последние «заняты турецкими гарнизонами»²⁴. Безусловно, эти сведения представляли для Б.К. Миниха большой интерес, ведь одной из целей его похода было взятие Кафы. В сочинении Г.Ф.В. Юнкера они опущены.

Происхождение изученного источника позволяет безошибочно отнести его к российским делопроизводственным документам. Вместе с тем, содержательное известие А. Яворки вписывается в широкий контекст иностранных нарративов о Крымском ханстве, не лишенных мотивов ориентализма. Проживший в Крыму чуть больше года французский консул не сообщил о стране своего пребывания ничего принципиально нового в сравнении с тем, что известно историкам на сегодняшний день. Записка К.-Ш. де Пейссонеля или труд профессора Галльского университета шведа Й. Тунманна (никогда

²² Там же. Л. 5 об.

²³ Там же. Л. 5 об.–6 об.

²⁴ Там же. Л. 6 об.

Крым не посещавшего) гораздо более информативны и богаты подробностями. Но эти хрестоматийные сочинения появились намного позже 1736 г. и отражают реалии середины и второй половины XVIII в., когда Крымское ханство вступило в заключительную фазу своего существования, пережив тяжелые потрясения и понеся большие потери в ходе трех вторжений русской армии 1736–1738 гг. Крым же, увиденный А. Яворкой, – государство, только подошедшее к порогу военной катастрофы, но еще не осознавшее этого. Имеет значение и ментальная оптика наблюдателя. Если ставший известным беллетристом и востоковедом барон Ф. де Тотт, тоже венгр, был французским дипломатом во втором поколении и до назначения консулом в Крым прошел профессиональную школу в Константинополе, то сослуживец его отца А. Яворка – просто завербованный во французскую армию иностранец. Но зато он смотрел на Крым и его население не зашоренными глазами отягощенного культурными стереотипами цивилизованного западноевропейца, а взором жителя Венгрии, граничившей с Османской империей, для которого крымские татары – не дикие варвары, а одни из соседей. Неслучайно его рассказ лишен предубеждений, свойственных ориентализму (в понимании Э.В. Саида). Он лапидарен, поскольку отвечает на вопросы, заданные Б.К. Минихом (пускай даже опосредованно). Именно поэтому дипломат ничего не сказал о религиозной жизни в Крыму – эта тема, никак не связанная с войной, явно не интересовала российского главнокомандующего. Личность вопрошавшего тоже определенным образом повлияла на содержание известия: до войны 1735–1739 гг. Б.К. Миних, выходец из северогерманского графства Ольденбург, никогда не проходил службу на юге России и не участвовал в сражениях против турок и татар. Для него очень многое из того, что знал и мог поведать А. Яворка, – в новинку. Несмотря на общий характер рассказа, некоторые сообщенные дипломатом подробности способны расширить имеющиеся в науке знания о генеалогии рода Гиреев и биографиях его отдельных представителей (данные о третьем сыне Каплан-Гирея I Шах(ин)-Гирее, о вражде хана с двумя племянниками, и т.д.). Известие также содержит новые сведения о злоключениях самого консула, о реакции Каплан-Гирея I и Ширин-бея на вторжение русской армии, о положении христианских подданных хана в военное время, о хозяйстве Крымского ханства, и пр.

Какой же была дальнейшая судьба французского дипломата, которому Б.К. Миних позволил остаться в расположении русской армии в Крыму? Как показал Ф. Тотт, поступок консула не встретил понимания у начальства и вызвал кривотолки – как среди его соотечественников-эмигрантов, так и среди крымских татар. Сведения об этом содержатся в реляциях французского посла в Османской империи маркиза Л.-С. де Вильнёва своему правительству. Согласно его донесению от 27 июля 1736 г., он узнал из газет, что А. Яворка, «покинув иезуитов-миссионеров, отступивших в горы близ Бахчисарая, был задержан отрядом казаков и препровожден в лагерь генерала Миниха, который оставил его на свободе под честное слово и даже предоставил ему свой стол». С трудом добравшиеся из Крыма в Константинополь иезуиты уверяли посла, что консул «только затем не покинул их, когда москвиты подошли к Бахчисараяу, чтобы спасти, будь то возможно, их дома и защитить от огня, и что именно с этой целью он отправился в лагерь генерала Миниха». Но

крымские татары думали иначе: этот поступок дипломата «и добрый прием, который, как они слышали, оказал ему генерал Миних, вызвали у них странные подозрения в неверности г[осподина] Яворки, и они даже преподнесли события таким образом, чтобы объявить его и миссионеров шпионами, способствовавшими вторжению московитов в Крым; эти подозрения стоили отцу Латуру и отцу Кардону 300 пиастров, заплаченных, чтобы вырваться из рук крымского султана, приказавшего их арестовать». Другими сведениями о судьбе своего подопечного Л.-С. де Вильнёв тогда не располагал, так как А. Яворка ничего ему не писал «с тех пор как находится у московитов». В донесении от 7 мая 1737 г. посол сообщал, что пропавший консул прислал ему «очень длинное письмо в свое оправдание», но другой венгерский эмигрант полковник Адам Мариаши усомнился в его верности, «особенно после отказа г[осподина] Яворки приехать в Хотин, несмотря на данные пашой заверения позволить ему безопасно добраться до Константинополя». Бывший французский агент в Крыму А. Тот, тоже опираясь на слова А. Мариаши, подтвердил факт предательства своего преемника в письме Л.-С. де Вильнёву от 23 апреля 1737 г.: «...этот полковник многое написал мне о г[осподине] Яворке, в том числе о том, что он потерял голову; я равно раздосадован и тем, что касается его, и положением дел в Крыму для консульства» [цит. по: 34, 1200. old.²⁵]. Свет на эти события проливают русские источники.

Из донесения Б.К. Миниха в Кабинет министров от 16 июля 1736 г. известно, что находившиеся при русской армии уже более месяца французский и польский «консулы» обратились к нему с просьбой отпустить их в Польшу. Эта идея не нашла понимания у генерал-фельдмаршала, предлагавшего их еще на некоторое время «в России удержать», ради чего им было «для довольствия по их желанию и денег несколько выдано». Он запрашивал указ о том, как следует поступить с иностранными дипломатами: отпустить в Польшу или задержать в России?²⁶ Ответ на этот вопрос последовал в указе от 4 августа, подписанном кабинет-министрами графом А.И. Остерманом и князем А.М. Черкасским. В указе выражалось опасение, что А. Яворка и А. Буковский, «будучи в свободе, иногда при армии нашей шпионствуют и с турками и с татарами корреспонденцию иметь будут». «Того ради потребно быть кажется, – предлагали кабинет-министры Б.К. Миниху, – чтобы вы их от себя отпустили, и дав оным паспорта, сюды им ехать велели, откуда они потом в отечества свои возвратиться могут». Однако принятие решения по данному вопросу было предоставлено самому военачальнику²⁷. Так и произошло, причем ранее выхода этого распоряжения. Еще 23 июля главнокомандующий донес в Кабинет министров, что отправил французского консула и польского шляхтича в пограничный городок Царичанка к генерал-майору князю Н.Ю. Трубецкому, приказав ему содержать их «при всяком довольствии» до получения императорского указа на сей счет. Новые подробности содержатся в донесении генерал-фельдмаршала от 23 августа: оказывается, в Царичанку отправился только А. Яворка, А. Буковский же остался при армии из-за «тяжкой болезни». Б.К. Миних предписал Н.Ю. Трубецкому как можно дольше задерживать там французского консула «под разными претексты» (предлогами), а по получении 20 августа

²⁵ Перевод с франц. А.Ю. Беспятых.

²⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 9. Л. 397.

²⁷ Там же. Д. 8. Л. 193 об.–194 об.

указа кабинет-министров от 4 августа распорядился отправить иностранца в Санкт-Петербург. В этом же донесении военачальник отметил, что за А. Яворкой «в бытность при здешней армии по его кондувиту (поведению. – *Авт.*) никакого подозрительства... приметить было неможно». В конце августа в российскую столицу через Царичанку поехал и выздоровевший А. Буковский [4, с. 120, 135, 149]. Итак, изученные документы однозначно свидетельствуют о том, что Адам Яворка, подозреваемый Л.-С. Вильнёвым в предательстве, а крымскими татарами и российским правительством – в шпионаже, не был ни предателем, ни шпионом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электротип. Н.Я. Стойковой, 1906. [Т. 1]. XLIX, 556, 192 с.
3. *Брун Ф.К.* Крым в половине XVIII столетия. Одесса: изд-е И. Федорова, 1867. 28 с.
4. Всеподданнейшие донесения гр. Миниха / Под ред. А.З. Мышлаевского. Ч. 1 // Сборник военно-исторических материалов. СПб.: Воен. тип., 1897. Вып. 10. [4], VI, 331 с.
5. *Гайворонский А.Е.* Созвездие Гераев: Краткие биографии крымских ханов. Симферополь: Доля, 2003 (Библиотека «Полуостров»). 108 с.
6. *Жарких М.И.* «Опис Татарій» Мартина Броневського: джерелознавчі спостереження // До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів: [б. в.], 2004. Т. 2. С. 313–350.
7. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: Сборник документов / Сост., вст. ст., археогр. введение, передача текста, комм. и указ. П.А. Авакова; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.
8. *Кизилов М.Б.* «Книга путешествий» Эвлии Челеби как источник сведений о быте крымских татар XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1993. Вып. 3. С. 273–275.
9. *Климишин И.А.* Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1985. 320 с.
10. *Лаишков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884). Одесса: тип. А. Шульце, 1889. Т. 4. С. 96–110.
11. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ., 2002. 768 с.
12. *Некрасов А.М.* К истории Крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XVI веках // *Некрасов А.М.* Избранные труды. Нальчик: Издат. отд. КБИГИ, 2015. С. 157–159.
13. *Пейссонель Ш. де.* Записка о Малой Татарии / Пер. В.Х. Лотошниковой; вст. ст., примеч. и комм. В.В. Грибовского. Днепропетровск: Герда, 2009. 80 с.
14. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция правового статуса российского дипломатического представительства в Крымском ханстве (1750-е – начало 1780-х гг.) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 70–86.
15. *Сейит-Яхья Н.С.* Военные действия в Крыму в 1735–1736 годах // *Qasevet*. 2010. № 37. С. 74–83.

16. *Сень Д.В.* Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 7–14. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-6-2-7-14.

17. *Тунманн [Й.]* Крымское ханство / Пер. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. 104, [3] с.

18. *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / Перелож. А. Ильми; пер., прил. и поясн. К. Усеинова. 2-е изд., испр. Симферополь: Аян; Стило, 2008. 192 с.

19. *Шалак М.Е.* Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII вв. // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки»*. 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 133–139.

20. *Выук Ö.* Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774). İstanbul: Ötüken, 2014. 300 s.

21. *Brătianu D.I.* Les Observations de M. de Peyssonnel en 1774 sur l'exécution du traité de Koutchouk Kaïnardji // *Revue historique du Sud-Est européen*. 1929. [Vol.] 6. № 10–12. P. 339–363.

22. *Correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770) / Édition de documents établie par F. Tóth.* İstanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p.

23. *Desaive D., Gökbilgin Ö.* Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVIIe – début du XVIIIe siècle, 1687–1736 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11. № 1. P. 110–117.

24. *Góralski Zb.* Urzędy i godności w dawnej Polsce. 2 wyd. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1998. S. 284.

25. *Hundert Zb.* Strażnicy koronny i wojskowy w dobie Jana Sobieskiego (1667–1696): Kilka uwag o osobach odpowiedzialnych za organizowanie przemaraszów armii koronnej // *Acta Universitatis Lodzianensis: Folia Historica*. Łódź, 2017. [T.] 99. S. 149–170.

26. *Ivanics M.* Die Şirin: Abstammung und Aufstieg einer Sipe in der Stepe // *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century) / Ed. D. Klein.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 27–41.

27. *İnalçık H.* Kaplan Girây I // *The Encyclopedia of Islam: New edition*. 3rd impression. Leiden: E.J. Brill, 1997. Vol. 4. P. 568–569.

28. [*Junker G.F.W.*] Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich, über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735–1739 geführten Russisch-türkischen Krieges // *Hermann E.A.* Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Leipzig: J.C. Hinrichsschen Buchhandlung, 1843. S. 117–244.

29. *Köpeczi B.* A bujdosó Rákóczi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 573. old.

30. *Mézin A.* Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792). Paris: Imprimerie nationale, 1997. (Diplomatie et Histoire). 976 p.

31. *Peyssonnel C.-Ch. de.* Observations critiques sur les Mémoires de M. le Baron de Tott, pour servir à l'Histoire des Turcs & des Tartares / Par M. de Peyssonnel, Ancien Consul-Général à Smyrne, ci-devant Consul de Sa Majesté auprès du Khan des Tartares. Maestricht: Dufour & Roux, 1785. 133 p.

32. *Thaly K.* Jávorka Ádám ezredes, s a gr. Forgách- és Rákóczi- levéltár: (Vázlat a Rákóczi-emigratio történetéből) // *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 1888. 22. évf. 4. sz. 293–319. old.; 5. sz. 389–411. old.; 6. sz. 489–504. old.; 7. sz. 585–610. old.

33. *Thaly K.* Pótlékül Jávorka Ádám életrajzához // *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 1888. 22. évf. 8. sz. 768–769. old.

34. *Tóth F.* Magyar ügynökök a francia király szolgálatában Kelet-Európában az orosz-osztrák-török háború korában (1736–1739) // *Századok: Magyar Történelmi Társulat folyóirata*, 2011. 145. évf. 5. sz. 1183–1214. old.

35. *Toth F. de.* Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares: Maestricht, 1785 / Texte édité par F. Tóth. Paris: H. Champion, 2004 (Bibliothèque des correspondances: Mémoires et journaux. T. 7). 382 p.

36. *Veinstein G.* La révolte des mirza tatars contre le khan, 1724–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12. N 3 (Juillet – septembre). P. 327–338.

37. *Zachar J.* Idegen hadakban. Budapest: Magvető, 1984. (Nemzet és Emlékezet). 496. old.

Сведения об авторах: Пётр Ашотович Аваков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov@mail.ru

Юрий Николаевич Беспярых – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (197110, ул. Петрозаводская, 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4383-254X. E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

*Поступила 20.12.2019 Принята к публикации 04.02.2020
Опубликована 29.03.2020*

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 2: Perevod. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Iss. 5. Per. s osmanskogo Yu.N. Karimovoy, I.M. Mirgaleeva; obshchaya i nauchnaya redaktsiya, predislovie i kommentarii I.M. Mirgaleeva. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 200 p. (In Russian)

2. Baiov A.K. *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny: Voyna s Turtsiey v 1736–1739 gg.* [The Russian Army in the Reign of the Empress Anna Ioannovna: War with Turkey in 1736–1739], Vol. 1–2. St. Petersburg: N.Ya. Stoykova's Electric Printing House, 1906. XLIX, 556, 192 p. (In Russian)

3. Brun F.K. *Krym v polovine XVIII stoletiya* [The Crimea in the middle of the eighteenth century]. Odessa: I. Fedorov Publ., 1867. 28 p.

4. Myshlaevskiy A.Z. (ed.). Vsepoddannejschie donesenija gr. Miniha [Humble Servant's Reports of Count Münnich], Pt. 1. *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov* [The Collection of Military Historical Materials], Iss. 10. St. Petersburg: Military Printing House, 1897. (4), VI, 331 p. (In Russian)

5. Gayvoronskiy A.E. *Sozvezdie Geraev: Kratkie biografii krymskikh khanov* [Constellation of the Gireys: Brief Biographies of the Crimean Khans]. Simferopol: Dolya, 2003. 108 p. (In Russian)

6. Zharkikh M.I. “Opis Tatarii” Martina Bronev'skogo: dzhereoznavchi sposterezheniya [The “Description of the Tartaria” by Martin Bronevsky: Source-Study Observations]. *Do dzherel: Zbirnik naukovikh prats' na poshanu Olega Kupchinskogo z nagodi yogo 70-richchya.* [To Sources: Collection of Scholarly Papers in Honor of Oleg Kupchinsky on the Occasion of His 70th Birthday], Vol. 2. Kyiv; Lviv, 2004, pp. 313–350. (In Ukrainian)

7. Avakov P.A. (ed.). *Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoy armii 1735–1738 gg.: Sbornik dokumentov* [The Journals of the Russian Army Crimean Campaigns in 1735–1738: Collection of Documents]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS Press, 2017. 484 p. (In Russian)

8. Kizilov M.B. “Kniga puteshestviy” Evlii Chelebi kak istochnik svedeniy o byte krymskikh tatar XVII v. [Evliya Chelebi’s “Travel book” as a source of information on the everyday life of Crimean Tatars in the 17th Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], Iss. 3. Simferopol: Tauria, 1993, pp. 273–275. (In Russian)
9. Klimishin I.A. *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and Chronology]. Moscow: ‘Science’, 1985. 320 p. (In Russian)
10. Lashkov F.F. Arkhivnye dannye o beylikakh v Krymskom khanstve [Archival data on Beyliks in the Crimean Khanate]. *Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse (1884)* [Proceedings of the VI Archaeological Congress in Odessa (1884)], Vol. 4. Odessa: A. Schulze’s Printing House, 1889, pp. 96–110. (In Russian)
11. Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2002. 768 p. (In Russian)
12. Nekrasov A.M. K istorii Krymskogo khanstva i ego vzaimootnosheniy s Rossiey v XV–XVI vekakh [On the history of the Crimean Khanate and its relations with Russia in the 16th and 17th Centuries]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Nal'chik: Publishing department of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research, 2015, pp. 157–159. (In Russian)
13. Peyssonel Ch. de. *Zapiska o Maloy Tatarii* [Memoire about the Little Tartaria]. Lotoshnikova V. Kh. (trans.). Dnepropetrovsk: Gerda, 2009. 80 p. (In Russian)
14. Pochekaev R.Ju. Evolyutsiya pravovogo statusa rossiyskogo diplomaticheskogo predstavitel'stva v Krymskom khanstve (1750-e – nachalo 1780-kh gg.) [The evolution of the legal status of the Russian diplomatic mission in the Crimean Khanate (from the 1750s to early 1780s)]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2018, no. 2, pp. 70–86. (In Russian)
15. Seyit-Jyahya N.S. Voennye deystviya v Krymu v 1735–1736 godakh [Military operations in the Crimea in 1735–1736]. *Qasevet*. 2010, no. 37, pp. 74–83. (In Russian)
16. Sen' D.V. Rassprosnnye rechi kak istochnik po istorii kazach'ego naselenija Krymskogo hanstva i informacionnogo prostranstva juzhnogo pogranich'ja [Questioning speeches as a source on the history of the Cossack population of the Crimean Khanate and the information space of the southern borderland]. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018, no. 2, pp. 7–14. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-6-2-7-14. (In Russian)
17. Tunmann [J.] *Krymskoe hanstvo*. [The Crimean Khanate]. Simferopol: State Publishing of the Crimean ASSR, 1936. 104, [3] p. (In Russian)
18. Halim Giray-sultan. *Rozovyj kust hanov, ili Istorija Kryma* [A Rose-bush of the Khans or the History of Crimea]. Simferopol: Ayan, Stilos, 2008. 192 p. (In Russian)
19. Shalak M.E. Krymskoe hanstvo i ego naselenie glazami inostrancev, posetivshih Moskovskoe carstvo v konce XVI – nachale XVII vv. [The Crimean Khanate and its people through the eyes of foreigners visiting the Moscow Tsardom at the late of the 16th and beginning of the 17th Century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. “Istoricheskie nauki”* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series “Historical Studies”], 2016, Vol. 2 (68), no. 4, pp. 133–139. (In Russian)
20. Bıyık Ö. *Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774)*. İstanbul: Ötüken, 2014. 300 s. (In Turkish)
21. Brătianu D.I. Les Observations de M. de Peyssonnel en 1774 sur l'exécution du traité de Koutchouk Kaïnardji. *Revue historique du Sud-Est européen*, [Vol.] 6, no. 10–12, 1929, pp. 339–363. (In French)
22. Tóth F. (ed.). *Correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770)*. İstanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p. (In French)
23. Desaiue D., Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII^e – début du XVIII^e siècle, 1687–1736. *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 11, no. 1, 1970, pp. 110–117. (In French)

24. Góralski Zb. *Urzędy i godności w dawnej Polsce*. 2 wyd. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1998, 284 ss. (In Polish)
25. Hundert Zb. Strażnicy koronny i wojskowy w dobie Jana Sobieskiego (1667–1696): Kilka uwag o osobach odpowiedzialnych za organizowanie przemarszów armii koronnej. *Acta Universitatis Lodzianis: Folia Historica*. Łódź, 2017. [T.] 99, s. 149–170. (In Polish)
26. Ivanics M. Die Şirin: Abstammung und Aufstieg einer Sipe in der Stepe. *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)*. D. Klein (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 27–41. (In German)
27. İnalçık H. Kaplan Girây I. *The Encyclopedia of Islam: New edition*, Vol. 4. 3rd impression. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 568–569.
28. [Junker G.F.W.] Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch. Grafen von Münnich, über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735–1739 geführten Russisch-türkischen Krieges. Hermann E.A. *Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches*. Leipzig: J.C. Hinrichsschen Buchhandlung, 1843. S. 117–244. (In German)
29. Köpeczi B. *A bujdosó Rákóczi*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991. 573. old. (In Hungarian)
30. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris, Imprimerie nationale, 1997. 976 pp. (In French)
31. Peyssonel C.-Ch. de. *Observations critiques sur les Mémoires de M. le Baron de Tott, pour servir à l'Histoire des Turcs & des Tartares / Par M. de Peyssonnel, Ancien Consul-Général à Smyrne, ci-devant Consul de Sa Majesté auprès du Khan des Tartares*. Maestricht, Dufour & Roux, 1785. 133 pp. (In French)
32. Thaly K. Jávorka Ádám ezredes, s a gr. Forgách- és Rákóczi- levéltár: (Vázlat a Rákóczi-emigratio történetéből). *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 22. évf., 1888., 4. sz., 293–319. old.; 5. sz., 389–411. old.; 6. sz., 489–504. old.; 7. sz., 585–610. old. (In Hungarian)
33. Thaly K. Pótlékül Jávorka Ádám életrajzához. *Századok: Magyar Történelmi Társulat közlönye*. 22. évf., 1888., 8. sz., 768–769. old. (In Hungarian)
34. Tóth F. Magyar ügynökök a francia király szolgálatában Kelet-Európában az orosz-osztrák-török háború korában (1736–1739). *Századok: Magyar Történelmi Társulat folyóirata*, 145. évf., 2011., 5., sz., 1183–1214. old. (In Hungarian and French)
35. Toth F. de. *Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares: Maestricht, 1785*. Paris: H. Champion, 2004. 382 p. (In French)
36. Veinstein G. La révolte des mirza tatars contre le khan, 1724–1725. *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 12, no. 3, 1971, pp. 327–338. (In French)
37. Zachar J. *Idegen hadakban*. Budapest: Magvető, 1984. 496. old. (In Hungarian)

About the authors: Pyotr A. Avakov – Cand. Sci. (History), Senior Research Associate of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9051-5611. E-mail: pavakov@mail.ru

Yuri N. Bespyatykh – Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg 197110, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4383-254X. E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

*Received December 20, 2019 Accepted for publication February 4, 2020
Published March 29, 2020*